

# ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

## ХVIII ГОДИЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

29–31 мая 2014 г. в Лозанском университете (UNiL) Центром Вальраса и Парето была проведена очередная годовая конференция Европейского общества истории экономической мысли (ESHET). Как всегда конференция включала множество сессий, доклады приглашенных спикеров и другие мероприятия. Наш обзор отражает лишь малую часть обсужденных вопросов, прежде всего, те сообщения, которые затрагивают Россию, а так же общеметодологические проблемы.

В своем докладе «Уроки Кантильона» *О. Ананьин* (НИУ ВШЭ) отметил, что сейчас все больший круг исследователей считает, что Р. Кантильон был предшественником многих экономических течений. Это не удивительно, так как он первым представил модель экономики. В настоящее время, после того, как его работа была переоткрыта, возникла потребность выявления ее связи с различными течениями экономической мысли. Проблема в том, что обычно эти связи избирательны. Ключевой остается теория равновесия. Целью представленного доклада явилось рассмотрение модели Кантильона как поворотной точки. В работе Кантильона «Очерк о природе торговли вообще» равновесные состояния рассматриваются с позиций кругооборота, с учетом факторов, прежде всего земли и помещиков, как конечных потребителей. Кантильон поместил эту модель в условия неопределенности. В настоящее время динамика населения, предпринимательской активности и власть рынка становятся все более значимыми. В своей модели Кантильон подходил к достижению равновесия без учета «невидимой руки» и рыночных факторов.

*Р. Арена* (Richard Arena) (Сорбонна) рассмотрел роль технических и социальных факторов в различии между необходимым и прибавочным продуктом. Во главу угла он поставил идеи П. Сраффы до и после классиков. В различных системах производства различен смысл прибавочной ценности. Интерпретация Сраффы классической теории прибавочной ценности видна из его лекций “Advanced theory of surplus”. Докладчик сделал акцент на достижениях Сраффы в его опубликованных и неопубликованных работах, раскрывая роль технических и социальных факторов прибавочной ценности в то время, когда Сраффа создавал свою теорию. Детерминировано ли создание прибавочной ценности только техникой? И можно ли объяснить распределение прибавочной ценности широким кругом институциональных и социальных факторов, или же вступают во взаимодействие и технические и социальные факторы в определении необходимого и прибавочного продукта? Граница между необходимым и прибавочным продуктом становится все более флюидной, и зависит от социальных классов. Это ключевое положение. Ставится задача выяснения того, как может быть определено отличие между действительно необходимым продуктом с технических и социальных позиций. Докладчик рассмотрел интерпретацию Сраффы его предшественников: Петти, Кенэ, Рикардо, Торенса, Милля, и то, как сам Сраффа формировал свои собственные взгляды, опираясь не только на позиции классиков.

*В. Автономов* (НИУ ВШЭ), автор книги «Модель человека в экономической науке» (1998), продолжил разработку этого направления. Он рассмотрел модель человека для экономики либерального типа. Под экономическим либерализмом, по определению докладчика, следует понимать экономическую систему с минимальным государственным участием. «Богатство народов» Адама Смита и работы немецких ордолибералов заложили предпосылки модели человека для либеральной экономики. Эта модель опирается на следующие принципы:

- а) неполнота информации;
- б) непрозрачность экономической системы для ее членов, что не позволяет манипулировать всей системой никому из членов;
- в) собственные интересы человека не включают интересы других людей или социальные предпочтения;
- г) собственным интересам придается ведущая роль по сравнению с утилитаристским благополучием;
- д) не существует какого-либо предела индивидуальной рациональности;
- е) воля власти, которая регулирует поведение индивида, определяемое пунктом в)

Экономический либерализм тесно связан с социологическим индивидуализмом. Это означает, что у него два врага: надындивидуальные предпочтения и множественные самости. Оба они изучаются поведенческой экономикой и используются в теории так называемого Нового патернализма.

Таким образом, индивид, согласно экономическому либерализму, должен противостоять не только социальному давлению, но и множественности самостей других индивидов. Если индивиду не хватает интеллекта или силы власти, то он должен предпочесть свободу благополучию. В противном случае, протекционистское государство должно подавить индивида.

*О. Борох* (Финансовый университет при Правительстве РФ) рассмотрела либеральную экономическую мысль в Китае в 1930-е гг. Для либерализма этот период был неблагоприятным. Докладчица фокусировала свое внимание на идеях двух либеральных экономистов того периода: Гу (Gu Yigun) и Тана (Tang Qingzeng). На обоих повлияла Западная экономическая мысль. Гу воспринял идеи Ф. Мизеса и Ф. Хайека: только рынок способен эффективно размещать ресурсы. Он отрицал советскую плановую экономику и торговый протекционизм. Он прямо заимствовал взгляды западных экономистов и провоцировал дебаты об отсталости универсальной силы рынка и честности международной торговли. Тан Кингженг предлагал более сложный либеральный подход, который учитывал не только западные идеи, но и китайские. Он утверждал, что политика свободного экономического предпринимательства может помочь преодолеть недостатки капитала и мотивировать индивидов к поиску прибыли. Тан опирался на исследования истории древнекитайской экономической мысли: невмешательство в рынок, обращение к традиционным идеям равного распределения богатства повредит экономическому развитию Китая. В дискуссии о модернизации Китая в 1933 г. Тан Кингженг был единственным, кто встал на поддержку индивидуализма, вместо социализма и государственного капитализма. Тан верил, что социальное распределение применимо только в развитых странах, которые страдают от дифференциации. Китай должен начать развивать капиталистический индивидуализм и с его помощью преодолеть экономические трудности. Как и Гу, он скептически относился к результатам советской плановой системы. Взгляды обоих экономистов оппонируют идеям контролируемой экономики. В докладе были затронуты и проблемы влияния идей Тана и Гу на последующие поколения китайских экономистов.

*Дж. Л. Кордозо* (Jose Luis Cardoso) и *М. Псалидопулос* (Michalis Psalidopoulos) «Немецкая историческая школа: протекционизм и либерализм». Цель доклада состояла в том, чтобы проследить взгляды немецкой экономической школы в отношении свободы торговли. Докладчики сосредоточились на особенностях Южной Европы и рассмотрели проблемы свободы торговли с 1890 г. в свете протекционизма.

В докладе *А. Кот* (Annie Lou Cot) (Сорбонна) об использовании *И. Фишером* медицинских метафор отмечалось, что депрессия в каждой стране проявляется через изменение уровня цен; отличие лишь в монетарных стандартах. Возникает цепочка инфляции, поскольку одна страна золотого стандарта затрагивает другую, та впадает в депрессивное состояние, и получается, что иммунитетом обладают те страны, которые не имеют золотого стандарта. *Ирвинг Фишер* в своем президентском обращении, которое он представил на заседании Американской статистической ассоциации тремя годами позже начала кризиса 1929 г., отметил, что никто из экономистов не предсказывал того спада, который начался в сентябре 1929 г. Он говорил, что «мы должны признать наши ошибки. Мы были на вершине биржевых котировок, и, конечно, должна была начаться рецессия. Но я думал, что она будет короткой. Однако я был неправ, и это произошло как по научным причинам, так и по историческим. Я многого не знал о депрессии в то время, и узнал позже. Бум и депрессия неизбежно сменяют друг друга. Я не знал эффекта перекредитования и его свойств ломать экономику». Теория девальвации — это не только пляска доллара, она также связана со структурными сдвигами, которые можно лучше понять, переходя от физических аналогий к медицинским терминам. Можно сказать, что экономика переходит от простуды (инфляция) к пневмонии (кризис). *Кот* отметила необходимость обращения эпистемиологическим основаниям. Как внешние факторы через нестабильность денег создают условия для депрессии, так и отсутствие свежего воздуха создает предпосылки для лихорадки при туберкулезе. Нужно иметь в виду сдвиг от эндогенного (флуктуации), к экзогенному объяснению бизнес-циклов.

В докладе *Ючи Кимура* (Yuichi Kimura) (Университет Сайтамы) «Н. Калдор о налогах на расходы» сделан акцент на понимание предложений *Н. Калдора* относительно налогов на расходы и проекта по их применению. Налоги на расходы должны быть увязаны с налогами на доходы. *Калдор* в свете теории *Дж. С. Милля* и *Дж. М. Кейнса* рассматривал концепцию налога на расходы в связи с концепцией эвтаназии рантье *Кейнса*. В докладе обсуждаются следующие положения: 1) соотношение взглядов *Калдора* и *Ирвинга Фишера* относительно налогов и налогооблагаемых компонент; 2) налоги на расходы в практике индийской налоговой реформы; 3) соотношение взглядов *Милля* и *Калдора* с точки зрения социальных реформ; 4) соотношение взглядов *Калдора* и *Кейнса* в связи с эвтаназией рантье. Докладчик отметил, что *Калдор* и *Милль* обосновали основные положения реформ XX в. *Калдор* разделял мнение *Кейнса* на социальное равенство и его регулирование через введение налога на расходы. Но налог на расходы не удалось практически включить в систему социального регулирования.

В рамках конференции была выделена секция, работа которой фокусировалась на экономических проблемах войны. Это связано со 100-летием начала Первой мировой войны. В докладе *Д. Мельника* (НИУ ВШЭ), посвященном проблемам Первой мировой войны и экономического либерализма, отмечено, что война явилась водоразделом современной истории, и задача современных экономистов состоит в том, чтобы прояснить ее влияние на экономику, начиная с эпохи *Адама Смита*. Потрясения, связанные с войной, коренным образом изменили

представления о личности человека и человеческого разума. Экономисты рассматривают проблемы войны чаще всего в связи с налогообложением и государственными финансами. Экономический анализ «цивилизованных» отношений рассматривается с позиций свободной торговли как способа предотвращения войны. Даже те экономисты, которые занимали оппозиционные позиции, не уделяли внимания экономическому анализу войны<sup>1</sup>. В 1914 г. В. Зомбарт отмечал, что нам не найти, что может рассматриваться в качестве большой причины. Нельзя сказать, чтобы начало войны не предсказывалось экономистами. Еще в 1910 г. отмечалось, что военная элита вскоре станет предметом изучения. Общеизвестно, что роль экономистов в Первой мировой войне была меньшей, чем во Второй. Степень влияния экономистов на организацию военной экономики различалась в разных странах. В любом случае, Первая мировая война стала импульсом для того, чтобы экономисты стали в большей степени включены в государственное управление, особенно в послевоенный период. Поскольку военный конфликт требует мобилизации ресурсов в беспрецедентных масштабах, направления влияния войны на экономику могут быть сгруппированы следующим образом: 1) государственная мобилизация ресурсов и военное управление в рамках союза четырех стран (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция). В этих странах усилилась критика рыночного капитализма и оживились дебаты о роли государства; 2) провал золотого стандарта, инфляция и монетарные проблемы, которые имели огромное влияние после войны на развитие монетарной теории; 3) разработка кейнсианских технических подходов в ответ на новые вызовы. Эти линии исследования проложили путь «золотому веку» экономической теории. Новая роль государства, политическое влияние бизнеса, а также подорванная вера в человеческую рациональность внесли свой вклад в попытки объяснить баланс между экономической эффективностью, благополучием и индивидуальной свободой. Такого рода развитие экономической теории привело, на наш взгляд, к переопределению экономического либерализма, а не его отрицанию.

В своем выступлении проф. *Р. Нуреев* (НИУ ВШЭ) предпринял аналитические изыскания трактовки взглядов Маркса. Он остановился на тех взглядах Маркса, которые изложены в его статье об имперской России. Докладчик показал роль немецкой исторической школы в развитии российской экономической науки. Результатом, по его мнению, явилась эволюция народников и легальных марксистов и, одновременно, русификация и ориентализация марксизма. По его мнению, распространение марксизма на просторах Российской империи произошло в большей мере, чем это позволяли культурные условия. Однако это не предохранило Россию от большевистского эксперимента по применению квази-марксистских идей на одной шестой части мира. Российская реальность стала препятствием для развития марксизма в глубину, с тем чтобы он не приобретал искаженной формы. В XX в. Россия вступила в длительную и поныне сохраняющуюся традицию трактовки взглядов Маркса. Настоящие последовательные марксисты, которые восприняли его не как догму, а творчески, составляли единицы. Преобладали искаженные формы марксизма. Большевики «творчески» развили Маркса, создав миф о пролетариате и его роли в освобождении человечества. Именно этот миф усилился на русской почве большевиками, в первую очередь, Лениным.

В докладе *Б. Шефолда* (Bertram Schefold) (Университет Гете) о прибавочной стоимости и ее соотношении с прибылью было отмечено, что прибавочная

<sup>1</sup> В ответ на этот справедливый упрек напомним статью А. И. Буковецкого «Обсуждение проблем финансирования войны в довоенной экономической литературе» (Финансы и бизнес, 2012, № 1).

стоимость в среднем равна прибыли. Марксово объяснение теории прибавочной стоимости в условиях неравноценного состава капитала с помощью оперирования общей прибылью как перераспределенной прибавочной стоимостью в целом некорректно, если матрица выпуска является случайной и если сохраняется трудовая теория стоимости, с тем чтобы быть специфицированной в среднем. Недавние публикации показывают, что Маркс в итоге понимал свой подход к статистике как предсказание прогнозов капитала в терминах стоимости и цены. То, что он настаивал на этом, коренится в его философии — гегелианской философии для *infinitesimal calculus*. Докладчиком сделан вывод, что Маркс в конце переосмыслил теорию падения нормы прибыли, которая продолжала основываться на равенстве прибыли и прибавочной стоимости.

В докладе *А. Витцтума* (Amos Witztum) (Лондонская школа экономики), посвященном проблеме экономической этики, прозвучало обращение к трудам Адама Смита, поскольку его вклад в этику инновативен. Инновационным является то, что он обращался к этике как к экономической теории. Эта форма рассуждений является очень важной для эволюции эмпирического подхода, соседствующего с дедуктивными рассуждениями. Соответственно, этика Смита является не теорией о том, что хорошо и что плохо, а о том, как эти понятия формируются в обществе. Это помогает объяснению расхождений Смита как комментатора с тем, что он выявляет в практике того времени. Смит опирался на универсальность социального анализа, удовольствие от гармонии, которое не имеет ничего общего с тоталитаризмом. Исходя из того, как люди формируют свое моральное мнение, Смит конструировал рационалистическую часть своей модели «невовлеченного наблюдателя». Но в реальности человеческий характер вмешивается в наши суждения и является, в том числе, одним из компонентов коррупции, взаимообмена симпатиями и полезностями, включаясь в функционирование системы. Непосредственный результат этого очевиден, поскольку в мире экономического взаимодействия везде проявляются моральные суждения о том, является ли система справедливой или несправедливой. Желаемое из конкурирующего решения в моральном аспекте становится еще одним аспектом *nature deceptions*. Применение этики Адама Смита к экономике, которое представляется как набор действий, приводит к пониманию того, что моральный анализ экономической системы не может основываться исключительно на том, имеют ли агенты хороший или плохой характер. Также не может он основываться и на том, является ли результат непреднамеренно выгодным. Вместо этого экономическая система является системой действий, где есть элементы непреднамеренности. Другими словами, непреднамеренные последствия в такой системе не являются ни источником силы, ни предохранением от несправедливости.

*О. Бьеркхолт* (Olav Bjerkholt) (Университет Осло) известен как историк статистики и эконометрики. Его доклад был посвящен первой конференции Европейского эконометрического общества, которая состоялась в сентябре 1931 г. в Лозанне. Идея создания общества эконометристов возникла в 1926 г. Организационное собрание ведущих эконометристов — основателей эконометрического общества состоялось в США в 1930 г. Конгресс в Лозанне был событием, тщательно спланированным, и включал чествование Вальраса и Парето. Число участников было сравнительно небольшим. Начиная с этого события, возникла традиция Европейского эконометрического общества. В докладе рассмотрен обмен идеями эконометристов, выделена роль пионеров эконометрики, с тем, чтобы отдать им дань памяти. Эконометрическое общество было первой международной организацией по экономике. В конце первого года она включала 163 члена из 19 стран.

Многоязычный и многонациональный характер конференции, встречи ученых, которые имели общие интересы в эконометрике, способствовали тому, чтобы такие конгрессы стали регулярными. Но эта традиция была прервана Второй мировой войной. Доклад сопровождался приложением списка участников Европейского конгресса 1931 г. и других интересных документов.

У российских участников большой интерес вызвал доклад *Т. Дюппе* (Till Dupre) (Университет Квебека) «Купманс в Советском Союзе: отчет о поездке летом 1965 г.» Докладчик отметил, что путешествие является одной из древнейших форм получения знаний, основанной на открытиях и наблюдениях. Тьяллинг Купманс, научный руководитель Фонда исследований в области экономики имени Коулза, ведущего в США центра математической экономики, был первым американским экономистом, который после окончания Второй мировой войны, летом 1965 г. прибыл в Советский Союз с официальным визитом в Центральный экономико-математический институт Академии наук СССР. Купманс приехал с надеждой изучить опыт советских экономистов применения линейного программирования в экономическом планировании. Смогут ли его собственные теории, как и теории Л. В. Канторовича, помочь социалистической экономике распределять ресурсы более эффективно? Купманс возможно как-то представлял себе научное сообщество за железным занавесом. Он вернулся домой с убеждением, что изучать советских математических экономистов может быть интереснее, чем учиться у них. Он понял, что советская экономическая наука находится в той же плачевной ситуации, что и экономическая наука Америки: математики здесь лучшие экономисты.

В докладе *И. Елисейевой* (СПбГЭУ) «Русский либеральный экономист А. И. Чупров» подчеркнута его роль в восприятии западных идей в России. По мнению автора либеральные устремления вступали у А. И. Чупрова в противоречие с идеями патернализма в его противодействии столыпинской реформе и стремлении сохранить контроль общины за индивидуальным крестьянским хозяйством.

Все доклады 18-й годичной конференции ESHET были объединены идеями либеральной экономики.

Работа конференции была превосходно организована. Вид гор и Женевского озера, уютная территория университета усиливали благоприятную атмосферу конференции. В немалой степени этому способствовало коллективное посещение Центра мирового Олимпийского движения, расположенного вблизи Лозанны, родного города Пьер де Кубертена.

*И. И. Елисейева, член-корр. РАН  
Б. Е. Винер, канд. соц. наук,  
Социологический институт РАН  
(Санкт-Петербург)*